

УДК 811.161.1'243

DOI: 10.18413/2313-8912-2026-12-2-0-6

Краснощечкова С. В.¹
Галкина Е. В.²
Ван Илин³

Распределение эвиденциальных значений в заданных
нарративах на родном и неродном русском языке

¹ Институт лингвистических исследований РАН
Тучков пер., 9, Санкт-Петербург, 199053, Россия
E-mail: krasnoshchekova_sv@iling.spb.ru
ORCID: 0000-0001-8830-5121

² Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН
наб. Макарова, 6, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: dinomama@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5041-2498

³ Университет МГУ-ППИ в Шэньжэне
Международный Университетский проспект, 1, Шэньжэнь, 518172, Китай
E-mail: 1608029882@qq.com
ORCID: 0009-0002-1146-6634

Статья поступила 08 мая 2026 г.; принята 15 июня 2026 г.;
опубликована 30 июня 2026 г.

Аннотация: Исследование посвящено количественному и качественному сопоставлению эвиденциальных стратегий в письменных русскоязычных нарративах носителей и неносителей языка. Несмотря на значительное число работ, посвященных эвиденциальности в типологической перспективе и ее усвоению детьми на родном языке, остается открытым вопрос о том, как взрослые реализуют эвиденциальные значения в письменной речи на неродном языке. Цель работы – выявить, как различается распределение эвиденциальных значений и средств их выражения в двух группах. Исследование выполнено в парадигме функционально-семантического подхода с применением статистических количественных методов. Материалом послужили 60 текстов, созданных носителями китайского языка, и 39 текстов носителей русского языка, собранных с помощью инструмента MAIN (Multilingual Assessment Instrument for Narratives). Было проанализировано распределение трех основных эвиденциальных значений (прямая, инференциальность, пересказывательность), а также их вербальная репрезентация на уровне конкретных лексико-грамматических средств. Установлено, что общая доля эвиденциально маркированных предложений в обеих группах сопоставима (~89%), однако распределение типов значений статистически значимо различаются. В текстах китайских студентов доминирует прямая эвиденциальность, что свидетельствует о преимущественно дескриптивной стратегии, ориентированной на непосредственное описание наблюдаемых событий. В нарративах носителей преобладает инференциальность, реализуемая через активное использование глаголов психического состояния и восприятия от лица персонажа, а также оценочных маркеров. Пересказывательность практически отсутствует в группе неносителей, тогда как

носители используют ее для передачи диалогичности повествования. Таким образом, взрослые инофоны успешно переносят на неродной язык базовые когнитивные механизмы отслеживания источника информации, однако их эвиденциальная компетенция на уровне А2 реализуется в упрощенной стратегии, характеризующейся ориентацией на описание. Полученные результаты имеют прикладное значение для преподавания РКИ: развитие интерпретативных навыков и расширение репертуара эвиденциальных средств должно стать целью продвинутых этапов обучения.

Ключевые слова: Эвиденциальность; Эвиденциальные стратегии; Нарратив; Русский язык как иностранный; Освоение второго языка; Письменная речь

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 25-18-00938 «Эвиденциальные стратегии в свете корпусных и экспериментальных данных (на материале разноструктурных языков)».

Информация для цитирования: Краснощечкова С. В., Галкина Е. В., Ван И. Распределение эвиденциальных значений в заданных нарративах на родном и неродном русском языке // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2026. Т. 12. № 2. С. 139–163. DOI: 10.18413/2313-8912-2026-12-2-0-6

УДК 811.161.1'243

DOI: 10.18413/2313-8912-2026-12-2-0-6

Sofia V. Krasnoshchekova¹
Elena V. Galkina²
Wang Yiling³

**Distribution of Evidential Meanings in Elicited Narratives
in Native and Non-Native Russian**

¹ Institute for Linguistic Studies, RAS,
9 Tuchkov Ln., Saint Petersburg, 199053, Russia
E-mail: krasnoshchekova_sv@iling.spb.ru
ORCID: 0000-0001-8830-5121

² Pavlov Institute of Physiology, RAS,
6 Makarov Emb., St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: dinomama@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5041-2498

³ Shenzhen MSU-BIT University,
1 International University Park Rd., Shenzhen, 518172, China
E-mail: 1608029882@qq.com
ORCID: 0009-0002-1146-6634

Received 08 May 2026; accepted 15 June 2026; published 30 June 2026

Abstract: The study provides a quantitative and qualitative comparison of evidential strategies in written Russian narratives produced by native and non-native speakers. Despite a substantial body of research on evidentiality from a typological perspective and its first language acquisition by children, the question of how adult learners implement evidential meanings in written L2 production remains open. The aim is to identify differences in the distribution of evidential meanings and their linguistic

encoding across the two groups. The research is conducted within a functional-semantic framework and employs quantitative statistical methods. The material consists of 60 texts produced by Chinese learners of Russian (A2 proficiency) and 39 texts by native Russian speakers, collected using the Multilingual Assessment Instrument for Narratives (MAIN). The distribution of three main evidential meanings (direct evidentiality, inference, hearsay) was analyzed, as well as their verbal realization at the level of specific lexico-grammatical markers. While the overall proportion of evidential clauses is comparable across groups (approximately 89%), the distribution of evidential types differs significantly. Chinese learner narratives are dominated by direct evidentiality, reflecting a predominantly descriptive strategy focused on the immediate description of observable events. Native speaker narratives, in contrast, are characterized by a predominance of inference, expressed through the frequent use of mental state verbs, perception verbs attributed to characters, and evaluative markers. Hearsay is virtually absent in the non-native group, whereas native speakers employ it to convey narrative dialogicity. Adult L2 learners successfully transfer basic cognitive mechanisms of source monitoring to the target language, but at the A2 level their evidential competence manifests in a simplified strategy characterized by a focus on description. The findings have direct pedagogical implications for teaching Russian as a foreign language: developing interpretative skills and expanding the repertoire of evidential devices should be a priority at advanced stages of learning.

Keywords: Evidentiality; Evidential strategies; Narrative; Russian as a second language; Second language acquisition; Written speech

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 25-18-00938 “Evidential Strategies in Light of Corpus and Experimental Data (Based on Structurally Diverse Languages)”.

How to cite: Krasnoshchekova, S. V., Galkina, E. V., Wang, Y. (2026). Distribution of Evidential Meanings in Elicited Narratives in Native and Non-Native Russian, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 12 (2), 139–163. DOI: 10.18413/2313-8912-2026-12-2-0-6

1. Введение

Область эвиденциальности в языке объединяет любые значения, так или иначе связанные с отсылкой к источнику содержащейся в высказывании информации. Информация может быть непосредственно воспринята говорящим или получена им от третьих лиц. В составе эвиденциальности, таким образом, обычно выделяется три основных значения: прямая эвиденциальность (информация получена говорящим при помощи органов чувств), инференциальность (информация получена при помощи логического умозаключения) и пересказывательность, или hearsay (информация получена от третьих лиц). В языках мира типичные эвиденциальные значения по-разному объединяются в кластеры при выражении

грамматическими или лексическими средствами (Aikhenvald, 2004; Козинцева, 2007; Постникова, 2020): так, выделяют противопоставление значений личного / неличного доступа (прямая эвиденциальность + инференциальность vs пересказывательность) и прямого / непрямого доступа (прямая эвиденциальность vs инференциальность + пересказывательность) (Плунгян, 2011).

Категориальное понимание термина «эвиденциальность» было впервые предложено Р. О. Якобсоном в середине XX века (Jakobson, 1957), однако активное изучение грамматической эвиденциальности начало вестись в последние тридцать лет, преимущественно в работах типологического направления (Aikhenvald, 2004; Козинцева, 2007;

Плунгян, 2011). В настоящее время широко исследуются такие вопросы, как объем категории «эвиденциальность» (Tournadre, LaPolla 2014, Verhees, 2019) типология эвиденциальных систем (Brugman, Macaulay, 2015; Постникова, 2020), спектр эвиденциальных средств и стратегий в языках мира (Храковский, 2007; Mushin, 2013; Nuckolls, Michael, 2014; Kittilä 2019), взаимодействие эвиденциальности с категориями модальности (Храковский, 2007; Cornillie, 2009; Kosta, Iskakova, 2022) и авторитетности (Астахова, 2014), дейктические и референциальные аспекты эвиденциальных единиц (Peterson, 2016). В нарративе эвиденциальность выполняет в том числе дейктическую функцию: эвиденциальные маркеры позволяют говорящему построить перспективу высказывания и подать информацию с разных точек зрения (Mushin, 2000).

В русском языке эвиденциальность выражается в первую очередь лексически. Выделяют такие группы эвиденциальных единиц, как вводно-модальные слова и конструкции со значением предположительности и выводности (*видимо, по-видимому, вероятно, возможно, наверное, может быть, должно быть; очевидно, стало быть, следовательно, значит*), частицы и дискурсивные слова, маркирующие чужую речь и пересказ с разной степенью уверенности (*якобы, мол, дескать, будто бы, вроде*), репортажные и цитативные конструкции (*говорят, по слухам, по сообщению X, по словам X*), глаголы речи и сообщения (*сказать, объявить*), глаголы восприятия и психических процессов от 1-го лица (*видеть, слышать, думать, считать*), а также безличные и пассивно-предикативные конструкции (*считается, предполагается, можно полагать*) (Кобрина, 2005; Болдырев, 2006; Григоренко, 2009; Шестухина, 2009; Страхова, 2016). Кроме того, эвиденциальные значения могут выражаться синтаксически и контекстуально, а также полностью

имплицитно (Никитина, 2013; Падучева, 2013).

В то время как значительное число работ посвящено освоению грамматической категории эвиденциальности и лексических средств ее выражения ребенком в родном языке (Aksu-Koç, 2000; De Villiers et al., 2009; Rett, Hyams, 2014), а также развитию когнитивных структур, позволяющих отслеживать источник информации (Ozturk, Papafragou, 2016), малоизученной остается проблема освоения эвиденциальности в неродном языке. Известны работы на материале японского, турецкого, английского и французского языков. Так, в серии статей (Ishida, 2006, Narita, 2012) было показано, что взрослые носители английского, изучающие японский язык, реже используют маркеры пересказываемости, чем носители японского, и допускают ошибки. В работах, посвященных порождению и восприятию граммем прямой и косвенной эвиденциальности англо-турецкими и немецко-турецкими билингвами, доказывалось, что прямая эвиденциальность по сравнению с косвенной вызывает больше затруднений в экспериментах с регистрацией движений глаз, но лучше понимается в заданиях на перевод (Arslan et al., 2015; Kaya-Soykan et al., 2023; Tosun, Filipović, 2025). Экспериментальное исследование, в котором носителям английского и французского языка предлагалось создать на неродном языке пересказ просмотренного мультфильма (Leclercq, Mélas, 2021), продемонстрировало, что носители французского, изучающие английский, более эксплицитно используют эвиденциальные маркеры, чем носители английского, изучающие французский, и чем обе группы носителей, порождавшие нарратив на родном языке, при этом активнее всего употреблялись маркеры инференциальности 'я думаю', 'может быть', 'как видно' и прямой эвиденциальности 'я вижу'.

Так как эвиденциальность является относительно «молодым» лингвистическим понятием по сравнению, например, с аспектуальностью или модальностью, данная область в аспекте преподавания русского языка на настоящий момент разработана не так подробно, как другие. Фактически, освоение эвиденциальности в русском языке как иностранном (РКИ) до настоящего времени почти не попадало в поле внимания исследователей. Единственной работой, в которой явно связывается эвиденциальность и РКИ, на настоящее время является доклад (Борисова, 2025), посвященный эвиденциальным конструкциям, актуальным в курсе обучения РКИ на разных уровнях, и выражаемым с их помощью коммуникативным значениями (A1 – *конечно, я думаю, мне нравится*; A2–B1: *мне кажется, я слышал, если не ошибаюсь*).

2. Цель исследования

Настоящее исследование посвящено эвиденциальным значениям в письменной речи на русском языке как иностранном. Цель состоит в выявлении наиболее типичных способов передачи эвиденциальных значений в нарративах, созданных на основе сюжетных рисунков носителями китайского языка, изучающими русский, и определении различий эвиденциальных стратегий, характерных для носителей и неносителей русского языка. Под эвиденциальным значением мы имеем в виду способ получения говорящим сообщаемой информации, выраженный или не выраженный эксплицитно (источником является восприятие говорящего – прямая эвиденциальность, умозаключение говорящего – инференциальность, чужие слова – пересказывательность). Языковое средство, при помощи которого эксплицитно выражается такое значение, мы называем вербальным эвиденциальным маркером. Языковое средство, которое, наряду с номинативным / диктумным,

содержит периферийный эвиденциальный компонент либо способно приписать высказыванию эвиденциальное значение только в конкретном контексте, мы называем в рабочем порядке эвиденциальным контекстным индикатором. Под эвиденциальной стратегией мы понимаем предпочтительный способ конструирования нарратива в целом с точки зрения приписывания высказываниям эвиденциальных значений и использования соответствующих маркеров.

Гипотеза исследования заключается в том, что все ситуативно обусловленные эвиденциальные значения так или иначе будут выражены в тексте независимо от уровня владения автором русским языком, тогда как средства их выражения будут различаться. Основанием для гипотезы служит тот факт, что эвиденциальность, в том числе выражаемая в нарративе, вызывает затруднения у ребенка, осваивающего родной язык, из-за неполной сформированности когнитивных механизмов, позволяющих успешно отслеживать источник информации (De Villiers, Garfield, 2009; Ozturk, Papafragou, 2016; Ünal, Papafragou, 2020), тогда как у взрослого индивида данные механизмы уже сформированы. Предположительно, это позволяет взрослым инофонам успешно переносить на изучаемый язык когнитивные принципы понимания эвиденциальных значений, освоенные в детстве на базе родного языка.

Опираясь на парадигму функциональной грамматики (ФГ) А. В. Бондарко, мы рассматриваем эвиденциальность как одну из функционально-семантических категорий, или функционально-семантических полей (ФСП), русского языка, что позволяет вести анализ «от значения к форме» (Бондарко, 2011: 59–65), ориентируясь в первую очередь на семантику языковых единиц. Вслед за ФГ мы принимаем, что возможны высказывания, в которых

грамматическая семантика не выражается при помощи конкретных вербальных маркеров, но подразумевается говорящим либо существует априори и, соответственно, считывается адресатом (ср. безглагольные высказывания, тем не менее передающие значение того или иного вида или времени (Бондарко, 2011)). Эвиденциальность, как и другие функционально-семантические категории (например, временная локализованность или темпоральность), охватывает широкий пласт существующих и потенциальных высказываний. По этой причине любое высказывание, так или иначе имеющее отношение к одному из основных способов получения информации, считается нами имеющим эвиденциальное значение, выраженное сильнее или слабее.

Заметим также, что настоящая работа придерживается «комбинированного» подхода к вопросу взаимодействия категорий эвиденциальности и модальности (Wiemer, 2010; Козловский, 2022; Иванова, Хакимова, 2024), согласно которому эвиденциальность и модальность являются принципиально разными категориями, однако при этом тесно взаимодействуют. Существуют высказывания, в которых сложно четко разграничить эвиденциальное и модальное значения, и эвиденциальные языковые средства, содержащие модальные компоненты (Сафина, 2016). Эвиденциальность может пересекаться с такими модальными категориями, как эпистемическая модальность, оценочность, эмотивность, митаривность, авторизация. Именно поэтому в работе проводится также анализ модальных маркеров.

3. Материал и методы

Материалом исследования послужили письменные нарративы, собранные при помощи инструмента MAIN (Multilingual Assessment Instrument for narratives – Мультиязычный инструмент оценки нарративов (Gagarina et al., 2019)). Инструмент был разработан для оценки

уровня развития нарративной компетенции детей-билингвов, однако в дальнейшем получил более широкое распространение и в настоящее время применяется также при работе с взрослыми информантами: как носителями стандартного или херитажного варианта родного языка, так и неносителями, осваивающими иностранный язык. Комплект экспериментальных материалов включает четыре набора из шести рисунков, в каждом из которых представлен связный сюжет с участием персонажей – детей и животных. Испытуемым предъявляются рисунки и предлагается создать по ним устный или письменный рассказ. Два набора предназначены для создания пересказов и два – собственных рассказов.

Экспериментальную группу составили тексты на русском языке, написанные студентами – носителями китайского (КН, «китайские нарративы»). Студенты обучаются в университете МГУ-ППИ в г. Шэньчжэнь (Китай) и изучают русский с китайским преподавателем. Уровень владения русским языком оценивается в среднем как А2. Сбор нарративов проводился летом 2025 г. Эксперимент был замаскирован под учебное задание: на экране в аудитории демонстрировался набор из шести рисунков на одном листе, и студентам предлагалось написать рассказ по предъявленным рисункам. Для эксперимента был выбран сюжет «Птенцы», предназначенный для создания собственных рассказов. Всего было получено 60 нарративов, которые в дальнейшем были переведены в цифровой вид и размечены.

В качестве контрольной группы были использованы нарративы, написанные на русском языке носителями – студентами Санкт-Петербургского Политехнического университета (РН, «русские нарративы»). Сбор нарративов проводился в 2017–2018 г. в рамках проекта, посвященного нарративной компетенции в русском как родном и иностранном языке

(Krasnoshchekova, Kashleva, 2019), в результате которого была сформирована база текстов. Эксперимент проводился в аудитории и не маскировался под задание. Студентам раздавались листы с напечатанными рисунками и предлагалось написать на их основе короткую историю. Из базы были отобраны тексты, созданные по наборам рисунков, предполагающих порождение собственного рассказа, – «Птенцы» и «Козлята». Общее число текстов составило 39. В ходе настоящего исследования была проведена их разметка с учетом эвиденциальных маркеров и значений.

Разметка осуществлялась двумя авторами независимо на 20% текстов (случайная выборка). Коэффициент каппа (κ) Коэна составил 0,84, что указывает на высокий уровень согласия. Остальные тексты размечены первым автором с последующей выборочной проверкой вторым. В спорных случаях решение принималось коллегиально по результатам обсуждения. Пример рабочей разметки приводится в Таблице 1: буквенные обозначения выбирались случайным образом. Теоретические основания классификации и подробное описание эвиденциальных значений и языковых средств их выражения см. ниже, в п. 4.

Таблица 1. Примеры эвиденциальной разметки.

Table 1. Examples of the evidential annotation.

Размеченное предложение	Использованные метки
Я увидел Vv1 такую историю. ¹ D	D – прямая эвиденциальность Vv1 – глагол визуального восприятия от лица говорящего
Добрый собоко увидел Vv3 и хотел Vr помочь Vc них. I	I – инференциальность Vv3 – глагол визуального восприятия от лица персонажа Vr – глагол психического состояния Vc – каузативный глагол
Ведите себя хорошо! Я скоро прилечу. Сказав Vs это она улетела. H	H – пересказывательность Vs – глагол говорения
Доброе утом! Добрый день!	– отсутствие эвиденциального значения
Будем верить, что Вороне воздастся за ее героизм, а маленькой козлиной семье больше не будут грозить напасти (? I)	– спорный случай: умозаключение автора (инференциальность) или дополнительное замечание (отсутствие эвиденциального значения)? Решение по результатам обсуждения: инференциальность.

¹ Все примеры приводятся в авторском написании.

Средняя длина текстов в словах составила 53 в КН, 99 – в РН; средняя длина в предложениях – 10 в обеих группах; совокупное число предложений во всех текстах группы – 617 в КН и 398 в РН.

Для оценки значимости различий между группами КН и РН по распределению эвиденциальных значений и средств их выражения были использованы критерии Шапиро-Уилка, хи-квадрат (χ^2) Пирсона и U Манна-Уитни. Расчеты выполнены в программе JASP (версия 0.18.3.0). При проведении теста на χ^2 для каждой ячейки таблиц сопряженности вычислялись стандартизованные остатки; значения $|\text{остаток}| > 1,96$ считались статистически значимыми на уровне $p < 0,05$. При проведении теста Манна-Уитни различия между группами также считались значимыми на уровне $p < 0,05$. Для графического представления результатов использовалась среда Google Colab с языком программирования Python. Построение диаграмм выполнено с помощью библиотек matplotlib, seaborn, wordcloud, networkx и pandas; количественные расчеты – с использованием numpy.

Ограничения исследования

Авторы признают, что экспериментальные группы различаются не только по статусу носителя / неносителя языка, но и по ряду других параметров, таких как год сбора данных (РН – 2017–2018, КН – 2025), стимульный материал (для КН использовался только сюжет «Птенцы», для РН – «Птенцы» и «Козлята»), а также условия проведения (для КН эксперимент был замаскирован под учебное задание, для РН – нет). Хотя маловероятно, что эти различия могли систематически сдвинуть результаты в сторону обнаруженных нами закономерностей, в будущем желательно провести репликацию на материале, собранном в едином протоколе. При этом сопоставление представляется

приемлемым по следующим причинам: оба протокола MAIN для порождения собственного рассказа созданы по единому образцу с соблюдением одинакового состава ролей персонажей, их действий, взаимного расположения на рисунках, ситуации на каждом рисунке в наборе, детальной канвы сюжета; сбор нарративов проводился в аудитории в письменном виде.

4. Результаты и дискуссия

Категория эвиденциальности в рамках данного исследования рассматривается в функционально-семантическом аспекте, вследствие этого при разметке и дальнейшем анализе учитывались не только эксплицитные средства выражения эвиденциальных значений, но и имплицитно передаваемые значения как таковые.

В настоящей работе, как уже было указано, под *эвиденциальным значением* мы понимаем семантическую категорию, приписываемую предложению, под эвиденциальным вербальным языковым средством, или *эвиденциальным маркером*, – конкретную языковую единицу, выражающую это значение, а под *эвиденциальным контекстным индикатором* – языковую единицу, косвенно указывающую на наличие эвиденциальной семантики в высказывании в рамках конкретной речевой ситуации. Заметим, что анализ маркеров и контекстных индикаторов носит предварительный и рабочий характер, а предложенный набор средств не претендует на классификацию эвиденциальных единиц русского языка в целом.

Распределение эвиденциальных значений

С учетом расширительного подхода к эвиденциальности (п. 2), была принята следующая методология. Значение прямой эвиденциальности отмечалось во всех случаях, где автор нарратива описывал непосредственно происходящее на рисунке: ‘птица улетела’, ‘кот прибежал’,

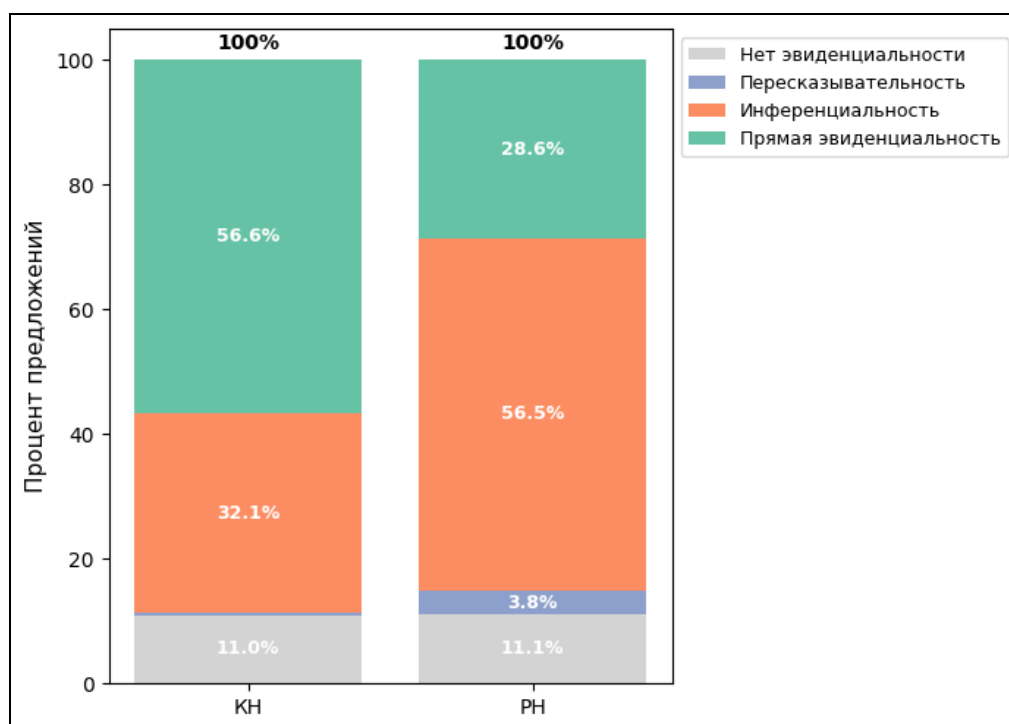
т. е. создавал высказывание с опорой на наблюдаемый визуальный стимул (*Собака тащила кот*). Инференциальное значение фиксировалось там, где говорящий выходил за пределы изображенного на рисунке, делая собственные выводы о событиях, отношениях между героями и их внутреннем состоянии (*Папа-птица (и собака) любил 2 молодой птицы*). Инференциальность отмечалась также при обозначении родственных связей героев: большая птица – ‘птица-мама’ (рисунок не указывает на родство героев – следовательно, говорящий делает вывод об этом на основе их внешнего вида и поведения); выражении ментальных процессов; указании на визуальное восприятие: ‘один герой увидел другого’ (говорящий делает вывод об этом на основе взаимного расположения героев на рисунке). Пересказывательное значение фиксировалось там, где говорящий приписывал герою какие-либо реплики

(«Спасибо большое, наш друг, ты же наш защитник!» – говорило семейство птичек). Отсутствие эвиденциальности отмечалось по остаточному принципу – в тех высказываниях, которые не отражали происходящее на рисунке (непосредственно наблюдаемое или трактуемое автором) и реплики героев и содержали дополнительные сторонние замечания, обращения к читателю и др. (*Доброе утом! Добрый день!; Мамы, будьте бдительны!*).

Разметка эвиденциальных значений проводилась на уровне высказывания. На Рисунке 1 представлено распределение эвиденциальных значений в группах текстов КН и РН. В каждом случае здесь и далее указываются относительные кумулятивные данные в процентах – доля предложений с анализируемым явлением во всех текстах группы относительно совокупного числа предложений во всех текстах группы.

Рисунок 1. Эвиденциальные значения в нарративах.

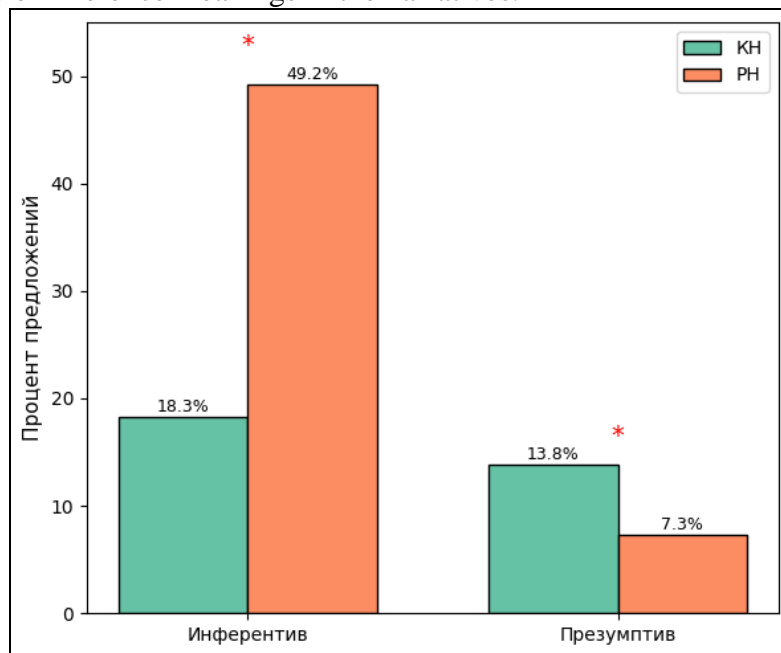
Figure 1. Evidential meanings in the narratives.

Общее число предложений с эвиденциальным значением сопоставимо в обеих группах и составляет около 89%, однако распределение типов значения различается. Различия статистически значимы ($\chi^2 = 18,257$, $df = 2$, $p\text{-value} < 0,001$). В группе КН основным значением является прямое эвиденциальное (56,6%), тогда как в группе РН оно находится на втором месте (28,6%). Напротив, инференциальное значение занимает второе место в группе КН (32,1%) и является ведущим в группе РН (56,5%). Пересказывательное значение представлено в основном только в группе

РН (3,8%) и маргинально в группе КН (0,3%). Кроме того, фиксировались два подтипа инференциальности – инферентив, или суждение о ситуации на основе размышлений, и презумптив, или умозаключение о ситуации на основе фоновых или общих знаний (Рисунок 2). Презумптивное значение более характерно для КН (13,8%), чем для РН (7,3%), тогда как инферентивное крайне частотно в РН (49,2%) и значительно менее частотно в КН (18,3%). Красным астериском на диаграмме отмечены статистически значимые расхождения ($\chi^2 = 48,277$, $df = 2$, $p\text{-value} < 0,001$).

Рисунок 2. Подтипы инференциальных значений в нарративах.
Figure 2. Subtypes of inference meanings in the narratives.

Таким образом, при порождении текста на неродном языке с большей степенью активности выражается информация, воспринятая говорящим непосредственно, и менее типичным является формулирование выводов и умозаключений.

Распределение эвиденциальных маркеров и контекстных индикаторов

Вербальные средства выражения эвиденциальных значений фиксировались на уровне словоформы. При разметке и анализе, как указано выше, проводилось

различие между эвиденциальными маркерами и контекстными индикаторами. Маркерами считались те, которые выражают эвиденциальное значение как основное (глаголы визуального восприятия – прямая эвиденциальность; глаголы говорения – пересказывательность); контекстными индикаторами – те, которые косвенным образом указывают на наличие эвиденциального значения у высказывания в рамках конкретного контекста или ситуации (глаголы внутреннего состояния,

визуального восприятия от лица персонажа – инференциальность).

Частотными эвиденциальными маркерами, как отмечалось во Введении, в русском языке являются вводные конструкции: *кажется, по словам / по сообщению X*, глаголы говорения, мысли и визуального восприятия и однокоренные им слова: *X сказал; я думаю, видно, что*. Однако разметка и анализ полученных в эксперименте нарративов показали, что в нашем материале отсутствует большая часть типичных русских эвиденциальных маркеров, за исключением глаголов говорения и визуального восприятия от 1-го лица. Предположительно, для данного дизайна – заданного сюжетного нарратива по набору рисунков, исключающего догадки или домысливание сюжета, – использование подобных маркеров нерелевантно. Именно в связи с этим внимание было обращено на периферийные и контекстные средства: такие языковые единицы, которые содержат компонент эвиденциального значения наряду с диктумным (номинативным) или присваивают его в конкретном контексте. В нашем случае эвиденциальный компонент проявляется в аспекте выполняемого задания – создания рассказа по картинкам, которые находятся перед глазами информанта. В высказываниях, порожденных в других речевых ситуациях, например в спонтанном диалоге, этот компонент отсутствует или может отсутствовать. Такие единицы не являются эвиденциальными маркерами в собственном смысле, а могут рассматриваться только как элементы диктумного содержания, на основании которых исследователь реконструирует способ интерпретации ситуации информантом. Именно поэтому для их обозначения был принят рабочий термин «контекстный индикатор».

Таким образом, в нарративах были выявлены следующие эвиденциальные средства:

1) прямая эвиденциальность: маркеры – глаголы восприятия от лица говорящего; контекстные индикаторы – глагол *появиться*; авторские ремарки;

2) инференциальность: контекстные индикаторы – союзы логической связи, глаголы психического состояния, относящиеся к персонажу; глаголы восприятия от лица персонажа; каузативные глаголы;

3) пересказывательность: маркеры – глаголы говорения; репортативные конструкции.

Остановимся подробнее на единицах со спорным статусом, которые мы в рабочем порядке относим к контекстным индикаторам. Глагол *появиться* указывает на значение прямой эвиденциальности потому, что он отсылает к визуальному восприятию информантом нового персонажа на рисунке.

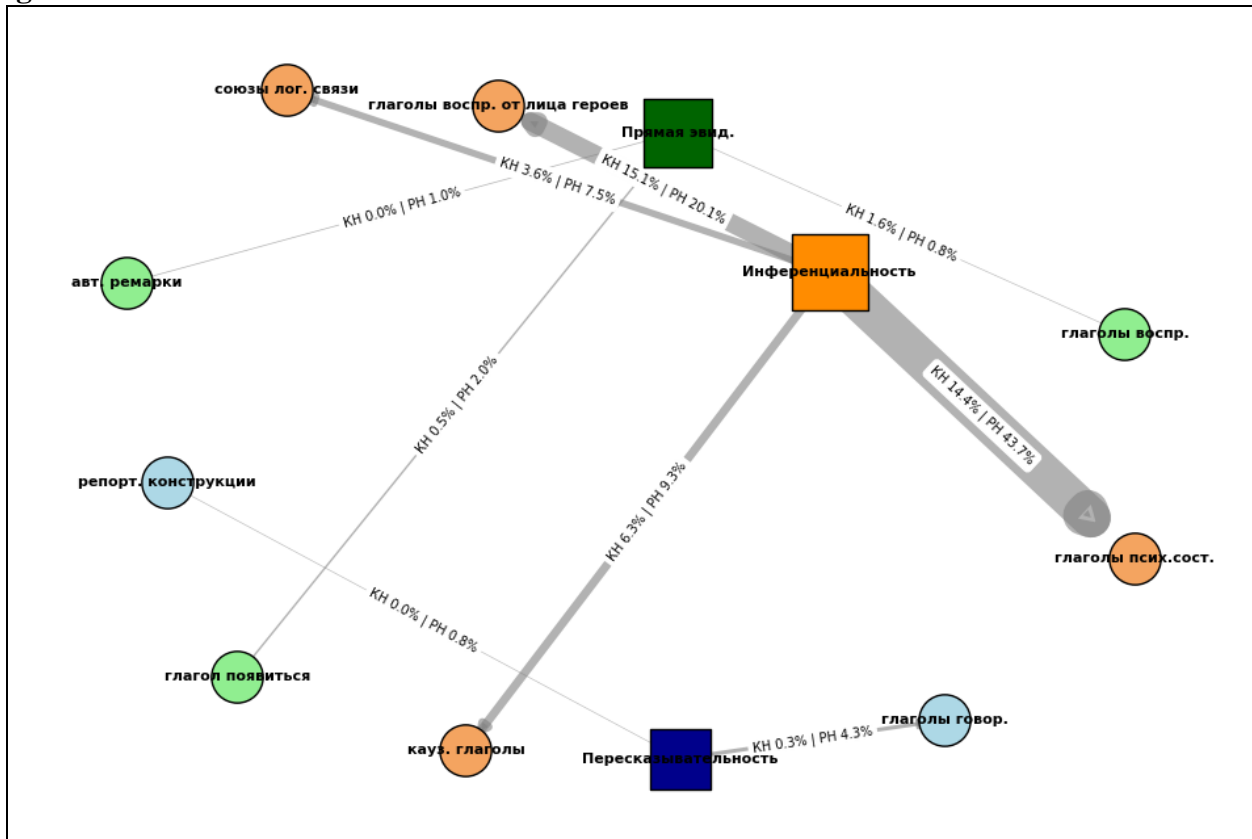
Союзы логической связи указывают на то, что автор делает вывод о причинах, следствиях, целях и иных логических характеристиках поступков персонажа. Глаголы психического состояния и визуального восприятия от третьего лица могут не иметь эвиденциального компонента в спонтанной речи, однако он появляется в рамках экспериментального задания. Строго говоря, на рисунке не изображено, что видит герой, что он решил или какую эмоцию он испытывает: говорящий делает об этом вывод на основе неких изображенных художником подсказок: взаимного расположения героев, их мимики и жестов и др. То же касается каузативных глаголов типа *знать*: на рисунке изображено, как собака бежит за кошкой, – испытываемый на основе их позиции делает вывод о том, что собака заставляет кошку бежать. Во всех этих случаях мы фиксировали указание на инференциальное значение.

Распределение зафиксированных групп средств представлено на сетевой диаграмме (Рисунок 3). Толщина линии, соединяющей тип эвиденциального значения и способ его выражения,

указывает на частотность средства. На линиях отображены проценты – доли

предложений с соответствующими средствами в группах КН и РН.

Рисунок 3. Эвиденциальные маркеры и контекстные индикаторы в нарративах.
Figure 3. Evidential markers and context indicators in the narratives.

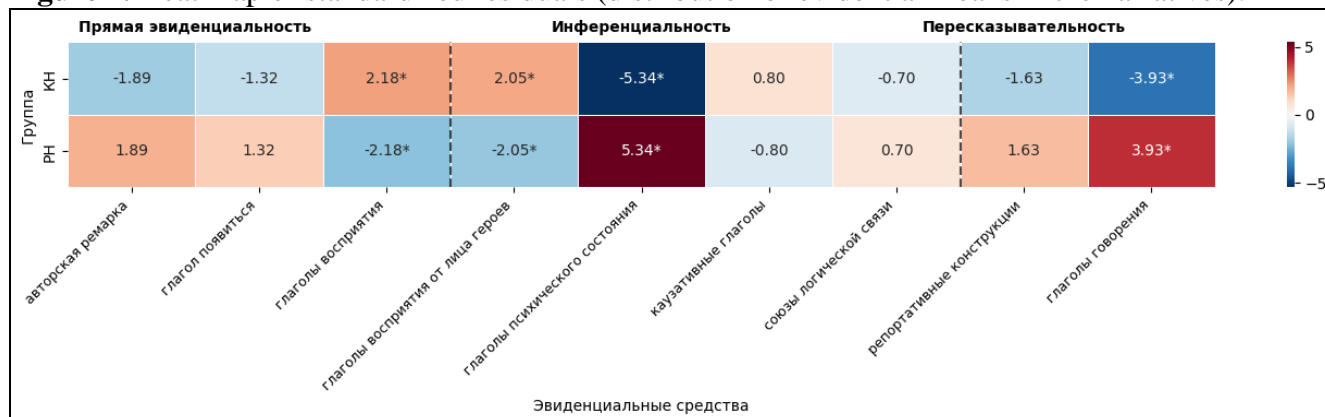

Для проверки значимости различий между группами был проведен анализ таблиц сопряженности с вычислением стандартизированных остатков. По общему распределению типов языковых средств различия являются статистически значимыми ($\chi^2 = 84,928$, $df = 8$, $p\text{-value} < 0,001$), однако при сравнении в рамках конкретных типов наблюдаются как значимые расхождения, так и сопоставимая частотность. На тепловой карте (Рисунок 4) приводятся значения стандартизированных остатков. Цвет

каждой ячейки отражает величину и направление отклонения наблюдаемой частоты от ожидаемой: красный цвет соответствует положительным остаткам (наблюдаемая частота выше ожидаемой), синий – отрицательным (наблюдаемая частота ниже ожидаемой). Интенсивность цвета прямо пропорциональна модулю остатка. Астериском отмечены ячейки, для которых $|\text{остаток}| > 1,96$, что соответствует статистически значимому различию на уровне $p\text{-value} < 0,05$.

Рисунок 4. Тепловая карта стандартизированных остатков (распределение средств выражения эвиденциальности в нарративах).

Figure 4. Heat map of standardized residuals (distribution of evidential means in the narratives).

Таким образом, наиболее сильно группы различаются по использованию глаголов психического состояния и говорения (по обоим критериям показатели РН значительно выше, чем показатели КН). Кроме того, наблюдаются различия в частотности глаголов восприятия от лица говорящего и персонажей (показатели КН выше, чем РН). Другие эвиденциальные средства употребляются носителями и неносителями на сопоставимом уровне.

Для проверки достоверности статистических различий были проведены дополнительные тесты: сравнение частотностей различных средств относительно общего количества слов в текстах; сравнение показателей по каждому тексту в группе индивидуально, а не кумулятивно.

Выравнивание относительно общего количества слов в текстах

При одинаковой средней длине в предложениях, нарративы в группах КН и РН существенно различаются длиной в словах: 55 в КН и 99 в РН. То, что на родном языке носители порождают более длинные и сложные предложения, может обуславливать использование ими большего количества эвиденциальных средств разных групп. Для проверки этого предположения было проведено выравнивание частотных показателей относительно общего количества слов во всех текстах группы (Таблица 2) и дальнейшая проверка статистической значимости различий распределения маркеров в группах КН и РН.

Таблица 2. Эвиденциальные маркеры и контекстные индикаторы в нарративах (относительно общего количества слов).

Table 2. Evidential markers and context indicators in the narratives (by the total number of words).

значение	средство	КН	РН
прямая эвиденциальность	глаголы восприятия	0,3%	0,1%
	глагол <i>появиться</i>	0,1%	0,2%
	авторская ремарка	0	0,1%
инференциальность	союзы логической связи	0,7%	0,7%
	глаголы психического состояния	2,8%	3,9%
	каузативные глаголы	1,2%	0,8%
	глаголы восприятия от лица героев	2,9%	1,8%
пересказываемость	глаголы говорения	0%	0,4%
	отсылка к общему знанию	0%	0,1%

В данном случае статистический анализ не выявил значимых различий ($\chi^2 = 2.264$, $df = 8$, $p = 0, 0.987$). Это может быть связано как с тем, что, действительно, носители и неносители используют эвиденциальные маркеры и контекстные индикаторы примерно в одинаковом соотношении, однако неносителям недоступно порождение сложных текстов, как и с малыми числовыми показателями. При распространении эвиденциального значения на все предложение, с чем связан широкий охват массива высказываний эвиденциальной семантикой, вербальные эвиденциальные средства, в том числе контекстные, являются достаточно низкочастотными на фоне строго номинативных, дейктических и др. Именно поэтому изначально был выбран метод выравнивания относительно общего числа предложений. Тем не менее, проведенный анализ позволил уточнить полученные выше результаты и дополнить выводы о характере различий в использовании эвиденциальных маркеров и контекстных индикаторов. Даже при отсутствии значимых различий, в количественном отношении сохраняется та же направленность, которая была выявлена в анализе на уровне предложений (см. рисунок 4): так, глаголы психического состояния используются чаще в РН (3,9% против 2,8% в КН), а глаголы восприятия от лица говорящего и от лица персонажа – чаще в КН (говорящий: 0,3% в КН и 0,1% в РН, персонаж: 2,9% в КН и 1,8% в РН).

Эта устойчивая картина не может объясняться исключительно большей речевой продуктивностью носителей – иначе все маркеры употреблялись бы активнее в РН. Таким образом, констатируем, что информанты в группе КН больше ориентированы на прямое описание наблюдаемого (прямая эвиденциальность и глаголы восприятия), а в группе РН – на интерпретацию внутренних состояний персонажей (инференциальность и глаголы психического состояния).

Сравнение данных по каждому тексту в отдельности

Для сравнения данных были созданы таблицы, в которых для каждого нарратива указывалось число предложений и число слов; абсолютное число предложений с анализируемыми эвиденциальными значениями и конкретных средств; доля этих единиц относительно общего количества слов и общего количества предложений в нарративе. Для начала при помощи теста Шапиро-Уилка было обнаружено, что данные по каждому из параметров не демонстрируют нормального распределения ($p < 0,01$), что обусловило выбор теста U Манна-Уитни для дальнейшей статистической работы. Целью было подтвердить или опровергнуть обнаруженные выше различия между группами КН и РН по использованию эвиденциальных значений и средств их выражения. Результаты анализа приводятся в Таблице 3.

Таблица 3. Результаты теста Манна-Уитни.

Table 3. Results of the Mann-Whitney test.

	% от предложений		% от слов	
	W	p	W	p
значения				
прямая эвиденциальность	1845.000	< .001	-	-
инференциальность	366.000	< .001	-	-
контекстные индикаторы				
союзы логической связи	913.000	0.078	1192.500	0.078
глаголы психического состояния	381.500	< .001	1354.000	0.069
каузативные глаголы	909.000	< .001	1084.000	0.828
глаголы восприятия от лица героев	972.000	0.296	818.500	0.028

Из рассмотрения были исключены параметры, числовые показатели по которому в каждом отдельно взятом тексте стремятся к нулю: пересказывательное значение; глаголы восприятия от лица автора; авторские ремарки; глагол «появиться»; глаголы говорения; репортативные конструкции. Эти средства периферийны в нарративах данного типа, т.е. их частотность слишком мала для обнаружения эффекта на уровне текстов. Статистически значимые различия фиксировались на уровне $p < 0,05$.

Анализ подтверждает полученные выше данные лишь отчасти: статистические различия фиксируются для обоих частотных эвиденциальных значений – в КН и РН высказывания с прямой эвиденциальностью и инференциальностью употребляются с разной частотностью. Что касается средств выражения, то различия совпадают только для частотности глаголов психического состояния (при выравнивании по количеству предложений), однако не зафиксированы для глаголов восприятия. Кроме того, не выявленные ранее различия отмечаются для каузативных глаголов – только при выравнивании по количеству предложений. Это дополнительно подтверждает вывод о том, что носители русского языка активнее используют высказывания с интерпретативными средствами для приписывания персонажам намерений, эмоций и выявления причинно-следственных связей.

Качественный анализ языковых эвиденциальных средств

Значение прямой эвиденциальности в нашем материале эксплицитно выражалось глаголами визуального восприятия, контекстуально – при помощи глагола *появиться* и авторских ремарок. Глаголы визуального восприятия (*увидеть*, *(по)смотреть* более характерны для КН, чем для РН. Во всех обнаруженных в КН случаях (10 единиц) предложение с глаголом начинает нарратив: *Я увидел такую историю; Я вижу: Кошка и птичка*

встретились; Я увидел три птицы, как играть на дереве; Я посмотрела из окна. Три (birds) на (tree), чтобы один мама и два дети. В РН подобное указание на себя (автора нарратива) встречается только у одного информанта (3 единицы): *Я посмотрел на дерево, и увидел казалось бы обыденную, но крайне занимательную картину <...> он увидел разъяренного пса, для которого не существовало ни пеняя птиц, ни человека, наблюдающего за ним.* Глагол *появиться* минимально используется как в РН (8 единиц), так и в КН (3 единицы): *Появилась собака.* Авторские ремарки зафиксированы только в РН (4 случая): *Почему она не досмотрела за своим козленком!* Вербальное выражение прямой эвиденциальности в целом нехарактерно для анализируемых нарративов: в обеих группах абсолютное количество предложений с прямой эвиденциальностью не содержит языковых средств, указывающих на данное значение. Таким образом, прямая эвиденциальность обычно выражается контекстуальными имплицитными средствами.

Значение инференциальности в нашем материале выражается контекстуально при помощи союзов логической связи (*чтобы, потому что* и др.), а также глаголов, описывающих внутреннее психическое состояние персонажей и восприятие от их лица, и каузативных глаголов. В КН наиболее активно употребляются глаголы визуального восприятия от лица героев *смотреть, увидеть, заметить* (93 единицы): *Собака гуляла в парке и смотрела кот; Птица заметила кота вернулась;* и глаголы психического состояния и мыслительных процессов *хотеть, решить, думать; испугаться, любить* (89 единиц): *Кот решил лезти на дерево; Кошка испугалась и убежала.* В РН, наоборот, на первом месте находятся глаголы психического состояния (174 единицы), тогда как глаголы восприятия фиксируются реже (80 единиц). Каузативные глаголы

занимают подчиненное положение в обеих группах. В КН число словоупотреблений каузативных глаголов *помогать*, *знать*, *защищать*, *спасти* составляет 39: *Птица войти это прогоняет его*, в РН – 37. Низкочастотным средством выражения инференциальности в обеих группах являются союзы логической связи, число которых достигает 22 в КН: *Так мама-птица вошел чтобы продукты* и 30 в РН. Таким образом, инференциальность чаще выражается вербально, чем прямая эвиденциальность, однако при создании сюжетного нарратива как носители, так и неносители используют для этого контекстуальные языковые средства.

Выражение пересказывательности также более характерно для РН. Эксплицитным языковым средством выражения кватативной пересказывательности (передача информации, полученной от третьих лиц, с упоминанием источника) являются глаголы говорения, вводящие прямую речь персонажей или присоединяющие придаточное изъяснительное предложение. В КН обнаружено только 2 подобных примера: *Они сказал, что это было очень радовать*. В РН число кватативных конструкций составляет 17. Конструкции репортативной пересказывательности (ссылка на обезличенный источник, сообщение сторонней информации без указания источника) зафиксированы только в РН (3 единицы): *Кот, так называют зверя, не видел ни красоты, ни глубины*. Таким образом, вербальное выражение пересказывательности нетипично при создании нарратива, в

котором третье лицо не является фактическим источником информации, а автор текста приписывает реплики того или иного содержания персонажам, опираясь на воображение, однако носители языка порождают подобные конструкции активнее, чем неносители.

Набор наиболее употребительных конкретных языковых единиц, выражающих эвиденциальное значение или указывающих на него контекстуально, ограничен в нарративах обеих групп, что обусловлено заданностью сюжета. Так, активно используются глаголы восприятия *смотреть* и *видеть*, психического состояния *решать*, *хотеть*, *думать*, каузативы *знать*, *помочь*, союз *чтобы*. На облаках слов (Рисунок 5) представлены 20 первых наиболее часто встречающихся маркеров и контекстных индикаторов в КН и РН: размер и интенсивность цвета соответствует абсолютной частотности средства.

Для КН наиболее характерны глаголы визуального восприятия *видеть* и *смотреть*, тогда как в РН *смотреть* используется в некоторой степени реже, чем *видеть*. Из глаголов психического состояния информанты в группе КН предпочитают *хотеть*, тогда как в РН его место занимает *решить*. Каузативный глагол *знать* одинаково представлен в обеих группах, тогда как *спасти* широко употребляется только в группе РН. Низкая частотность и отсутствие в текстах группы КН таких частотных в текстах РН лексем, как *испугаться*, *заметить*, *наблюдать*, объясняется средним уровнем владения русским языком информантов.

Рисунок 5. Наиболее частотные эвиденциальные маркеры и контекстные индикаторы в нарративах.

Figure 5. The most frequent evidential markers and context indicators in the narratives.

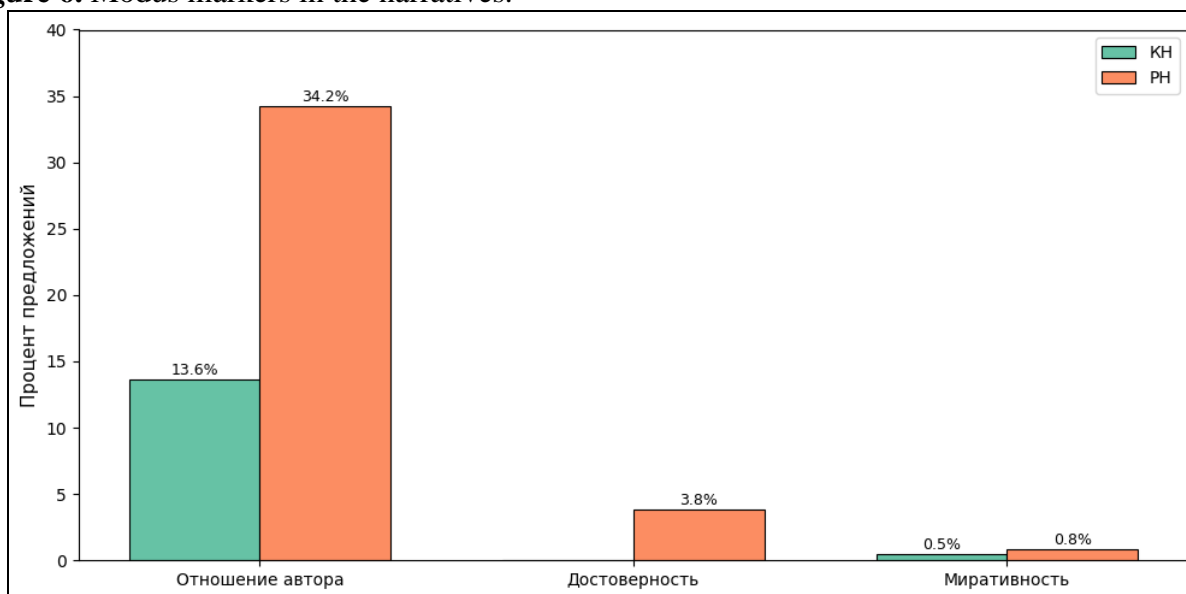
Модусные маркеры

В текстах обеих групп были зафиксированы модусные оценочно-эмотивные маркеры, выражающие отношение автора к содержанию высказывания, персонажу или ситуации; эпистемические (или маркеры

достоверности), передающие степень уверенности автора, и маркеры миративности, отражающие удивление автора относительно излагаемых сведений. Данные по их использованию приведены на Рисунке 6.

Рисунок 6. Модусные маркеры в нарративах.

Figure 6. Modus markers in the narratives.

Общее число таких маркеров в РН (38,7% от общего числа предложений во

всех текстах группы; 3,5% от всего количества слов) выше, чем в КН (14,7% и 2,9%). Эта разница является значимой только на уровне предложений ($\chi^2 = 75,752$, $df = 2$, $p\text{-value} < 0,001$), но не на уровне слов ($\chi^2 = 2,260$, $df = 1$, $p\text{-value} = 0,133$) сравнивались абсолютные цифры). Различие распределения типов маркеров также не имеет статистической значимости ($\chi^2 = 2,633$, $df = 3$, $p\text{-value} = 0,268$).

Основную часть составляют оценочные маркеры, регулярно используемые в нарративах обеих групп. В КН (84 единицы) с их помощью передается этическая оценка персонажа по шкале «хороший – плохой», «добрый – злой»: *Кто (кот) лезет на дерево, чтобы поймать птицу. Он очень злодей. Собака, добрая, тащит кота с дерева; Кот был нехорошо в день.* Также зафиксированы лексемы семантических групп «радость, счастье», описывающие эмоции героев, и «интерес», оценивающие историю в целом: *Плохо кот хотел есть веселая птица; Вот интересной историю!* Спектр эмоций и оценок, передаваемых при помощи данных маркеров в РН (136 единиц), значительно шире: *Вдруг появился «защитник деревни» пес Буран, очень ответственный и воспитанный охранник на своей территории.* В КН в роли оценочных маркеров выступают только прилагательные и наречия, тогда как в РН частотны также вводные конструкции: *К сожалению, его мир совсем отличался от мира птиц.*

Маркеры эпистемической модальности в КН не обнаружены, тогда как в РН достоверность выражается при помощи типичных вводных средств конечно, казалось бы (15 единиц): *Конечно, она полетела искать пищу своим любимым деткам.* Маркеры митаривности крайне периферийны как в КН (3 единицы): *Возле дерева неожиданно появляется большая собака,* так и в РН (3 единицы): *К удивлению, за всем этим наблюдал мудрый ворон.* Таким образом, различия в активности употребления

модусных маркеров носителями и неносителями языка обусловлены ограниченным объемом лексикона на народном языке. С этим связано также то, что в КН полностью отсутствуют вводно-модальные единицы, выражающие этическую, эмоциональную или вероятностную оценку ситуации.

Обсуждение: сравнение с экспериментом (Leclercq, Mélas, 2021)

Полученные результаты не совпадают с выводами, сделанными в работе на материале английского и французского языков (Leclercq, Mélas, 2021), в которой было обнаружено, что неносители употребляют эксплицитные эвиденциальные маркеры активнее, чем носители, тогда как носители предпочитают имплицитное выражение. В нашем эксперименте, действительно, неносители сравнительно чаще прибегали к маркеру прямой эвиденциальности *видеть* в 1-м. л. Однако по частотности контекстных индикаторов с эвиденциальным компонентом (относительно общего количества слов) группы не имеют существенных различий. Кроме того, пересказывательность практически отсутствует в нарративах неносителей, тогда как носители прибегают к ней при передаче диалогических фрагментов.

Для понимания причин этих расхождений сопоставим дизайн обоих экспериментов. Сходства заключаются в следующем: (1) в обеих работах сравниваются носители и неносители языка; (2) используется нарративная задача по визуальному стимулу; (3) анализируется употребление вербальных эвиденциальных маркеров и имплицитных способов выражения эвиденциальности. При этом имеются следующие различия: (1) в исследовании Leclercq и Mélas информанты создавали пересказ просмотренного мультфильма, который содержит сюжетные лакуны (отдельные кадры пропущены), что стимулирует домысливание событий и, как следствие,

активное использование эксплицитных маркеров инференциальности (например, ‘я думаю’, ‘может быть’); в нашем эксперименте нарративы порождались как собственные рассказы по серии статичных рисунков, которые остаются перед глазами и позволяют излагать линейный связный сюжет без лагун; (2) языковые пары различны: французский и английский vs. русский и китайский, что может влиять на стратегии переноса; (3) уровень владения носителей в нашем исследовании – А2, в цитируемой работе – В1–С.

Эти различия в дизайне, как мы полагаем, объясняют расхождение в результатах. В условиях сюжетных лагун носители вынуждены эксплицитно маркировать свои предположения, поэтому они используют больше инференциальных маркеров. В нашем эксперименте в линейном сюжете без лагун носители, напротив, отбрасывают необязательную информацию и сосредотачиваются на передаче основного сюжета, опираясь на принцип экономии усилий и уделяя больше внимания собственно языковому оформлению.

5. Заключение

Гипотеза о том, что уровень владения русским языком не влияет на выраженность эвиденциальных значений в тексте, но влияет на использование средств их выражения, подтвердилась частично. В текстах как носителей, так и неносителей широко представлены два основных типа эвиденциальных значений: прямая эвиденциальность и инференциальность, причем общее количество эвиденциально нагруженных предложений сопоставимо (около 89%). Это свидетельствует о том, что когнитивный механизм отслеживания источника информации действительно переносится с родного языка. Третье эвиденциальное значение – пересказывательность – фактически отсутствует в текстах неносителей и редко, но все же употребляется носителями. Таким образом, перенос когнитивного механизма актуален для значений личного

доступа ‘увидел сам / сделал вывод’, но не распространяется на приписывание речи персонажам как источник информации об их внутреннем состоянии или намерениях, т.е. значение неличного доступа. Тем не менее, распределение эвиденциальных значений в речи носителей и неносителей существенно различается: в группе КН преобладает значение прямой эвиденциальности, а в группе РН – инференциальности.

Вторая часть гипотезы также подтвердилась только отчасти. Носители русского используют вербальные средства выражения эвиденциальности (в том числе такие маркеры, как глаголы говорения, и такие контекстные индикаторы, как авторские ремарки и глаголы психического состояния) в среднем чаще, чем неносители, в пересчете на общее количество высказываний. Однако фактически владение языком не оказывает решающего влияния на активность использования эвиденциальных средств: сопоставление частотности эвиденциальных маркеров и контекстных индикаторов на уровне общего количества слов в нарративах не демонстрирует статистически значимых различий. Это показывает, что, даже при том что более высокий уровень языковой компетенции носителей проявляется в синтаксической сложности текста, он не может полностью объяснить качественное различие в нарративных эвиденциальных стратегиях. Только на уровне предложения отмечается разница и в частотности средств, смежных с эвиденциальными: модусные оценочные и эпистемические маркеры. Тем не менее, в КН модусная составляющая представлена более бедным набором лексических средств и спектром выражаемых оценок, что связано с лексико-грамматическими ограничениями развивающейся языковой системы информантов.

Назовем стратегию китайских информантов «*дескриптивно-наблюдательной*»: в их нарративах

доминирует прямая эвиденциальность; инференциальность и модусная оценка присутствуют, но выражены слабее; пересказывательность практически отсутствует. Стратегию русских информантов определим как «интерпретативно-оценочную»: в их нарративах доминирует инференциальность; используются модусные средства для передачи различных оттенков оценочности и эмотивности; в ряде текстов присутствует пересказывательность, отражающая диалогичность повествования.

Таким образом, освоение эвиденциальных средств русского языка на уровне А2 демонстрирует успешный перенос базовых принципов отслеживания источника информации, однако реализуется в упрощенной стратегии, для которой характерна ориентация на прямое наблюдение, сокращение разнообразия модусных оттенков и избегание пересказывательности. Полученные результаты могут иметь прикладное значение для преподавания РКИ, в том числе служить диагностическим инструментом для определения уровня развития эвиденциальной компетенции у учащихся.

Выявленные различия позволяют предложить конкретные задания для учащихся уровня А2–В1, направленные на развитие интерпретативной стратегии: трансформация дескриптивных предложений в инференциальные; приписывание персонажам ментальных состояний (мыслей, желаний, эмоций); добавление модусных маркеров в рамках диалога и нарратива; диалогизация нарратива. На уровне А2 рекомендуется фокусироваться на трансформации предложений, использовании глаголов психического состояния (*хотеть, бояться, радоваться*); введении эпистемических вводных слов (*кажется, наверное*). На уровне В1 следует расширять корпус ментальных предикатов, добавлять каузативные конструкции, вводить

оценочные и миративные маркеры (*к сожалению, неожиданно, к удивлению*) и практиковать диалогизацию нарратива – пересказ сюжета от лица разных персонажей с включением прямой или косвенной речи.

Диагностика уровня сформированности эвиденциальной компетенции может осуществляться через анализ письменных нарративов, созданных по тем же стимулам MAIN. Показателями могут служить: (а) соотношение прямой эвиденциальности и инференциальности, (б) разнообразие и частотность эвиденциальных маркеров и контекстных индикаторов, (в) наличие модусных (эпистемических и оценочных) маркеров. Предложенные здесь контрольные параметры могут быть использованы преподавателями для отслеживания прогресса учащихся.

В качестве перспективных направлений дальнейшего исследования предполагается: (1) провести аналогичный эксперимент на материале устных нарративов; (2) сравнить эвиденциальные стратегии информантов с другими родными языками, изучающих РКИ (англофонов, испанофонов); (3) проанализировать динамику освоения эвиденциальности на уровнях В1–В2 с применением лонгитюдного эксперимента. Также перспективным теоретическим направлением представляется уточнение классификации эвиденциальных маркеров и статуса эвиденциальных контекстных индикаторов в русском языке.

Список литературы

Астахова Т. Н. Проявление категорий «Эвиденциальность» и «Авторитетность» в текстах немецких СМИ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 71–75.

Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2 (7). С. 5–22.

Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011. 472 с.

- Борисова О. С. Развитие коммуникативных навыков на занятиях РКИ при изучении эвиденциальных конструкций: презентация доклада // IX Международный конгресс «Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность». М., 2025. 11 с. URL: <https://disk.yandex.ru/d/umbIKnBoo3GIAw> (дата обращения: 23.01.2026).
- Григоренко М. Ю. Модусный статус эвиденциальности в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2009. № 4. С. 73–77.
- Иванова С. В., Хакимова Г. Ш. Эвиденциальность и эпистемическая модальность: сопряжение на уровне семантики слова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. Т. 21. № 4. С. 802–824. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.403>
- Кобрин О. А. Категория эвиденциальности: ее статус и формы выражения в разных языках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1. С. 86–98.
- Козинцева Н. А. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии / отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 13–36.
- Козловский Д. В. Типы взаимодействия модусной категории «эвиденциальность» с другими модусными категориями // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2022. Т. 32. № 5. С. 1027–1036. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-5-1027-1036>
- Никитина Е. Н. Субъектные нули и перцептивный модус (к вопросу о выражении категории эвиденциальности в русском языке) // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 69–82.
- Падучева Е. В. Есть ли в русском языке грамматически выраженная эвиденциальность? // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 9–29.
- Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
- Постникова А. Е. Грамматикализация и тип эвиденциальной системы // Типология морфосинтаксических параметров. 2020. Т. 3. № 2. С. 147–165.
- Сафина А. Р. Теоретические аспекты изучения эпистемической модальности и эвиденциальности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (2). С. 142–145.
- Страхова В. С. Маркеры эвиденциальности в языке СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 6 (745). С. 165–174.
- Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии / отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 600–631.
- Шестухина И. Ю. Категория эвиденциальности в русском нарративном тексте: коммуникативно-прагматический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009. 17 с.
- Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 480 p.
- Aksu-Koç A. Some aspects of the acquisition of evidentials in Turkish // Evidentials. Berlin: De Gruyter, 2000. Pp. 15–28. <https://doi.org/10.1515/9783110805284.15>
- Arslan S., Bastiaanse R., Felser C. Looking at the evidence in visual world: eye-movements reveal how bilingual and monolingual Turkish speakers process grammatical evidentiality // Frontiers in Psychology. 2015. Vol. 6. Pp. 1–13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01387>
- Brugman C. M., Macaulay M. Characterizing evidentiality // Linguistic Typology. 2015. Vol. 19, No. 2. Pp. 201–237. <https://doi.org/10.1515/lingty-2015-0007>
- Cornillie B. Evidentiality and epistemic modality: On the close relationship between two different categories // Functions of Language. 2009. Vol. 16. No. 1. Pp. 44–62. <https://doi.org/10.1075/fo1.16.1.04cor>
- De Villiers J. G. Evidentials in Tibetan: Acquisition, semantics, and cognitive development / De Villiers J. G., Garfield J., Gernet-Girard H., Roeper T., Speas M. // New Directions for Child and Adolescent Development. 2009. No. 125. Pp. 29–47. <https://doi.org/10.1002/cd.248>
- De Villiers J. G., Garfield J. Evidentiality and narrative // Journal of Consciousness Studies. 2009. Vol. 16. No. 6–8. Pp. 191–217.

Gagarina N. MAIN: Multilingual Assessment Instrument for Narratives – Revised / Gagarina N., Klop D., Kunnari S., Tantele K., Välimaa T., Bohnacker U., Walters J. // ZAS Papers in Linguistics. 2019. Vol. 63. Pp. 1–20. <https://doi.org/10.21248/zaspil.63.2019.516>

Ishida K. How can you be so certain? The use of hearsay evidentials by English-speaking learners of Japanese // Journal of Pragmatics. 2006. Vol. 38. No. 8. Pp. 1281–1304. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2005.10.006>

Kaya-Soykan D., Antonova-Unlu E., Sagin-Simsek C. The production and perception of Turkish evidentiality markers by Turkish-German returnees // Applied Linguistics Review. 2023. Vol. 14. No. 2. Pp. 251–270. <https://doi.org/10.1515/applirev-2020-0042>

Kittilä S. General knowledge as an evidential category // Linguistics. 2019. Vol. 57. No. 6. Pp. 1271–1304. <https://doi.org/10.1515/ling-2019-0027>

Kosta P., Iskakova G. Zh. New tendencies in the study of modality: epistemic modality and evidentiality // Bulletin of the Moscow State Regional University (Linguistics). 2022. No. 6. Pp. 25–40. <https://doi.org/10.18384/2310-712x-2022-6-25-40>

Krasnoshchekova S., Kashleva K. Narrative competence of adult L2 Russian learners // Journal of Psycholinguistic Research. 2019. Vol. 48, no. 3. Pp. 617–641. <https://doi.org/10.1007/s10936-018-9622-3>

Leclercq P., Mélac E. Second language acquisition of evidentiality in French and English in a narrative task // Language, Interaction and Acquisition. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 251–283. <https://doi.org/10.1075/lia.20025.lec>

Mushin I. Evidentiality and deixis in narrative retelling // Journal of Pragmatics. 2000. Vol. 32. No. 7. Pp. 927–957. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(99\)00085-5](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(99)00085-5)

Mushin I. Making knowledge visible in discourse: Implications for the study of linguistic evidentiality // Discourse Studies. 2013. Vol. 15. No. 5. Pp. 627–645. <https://doi.org/10.1177/1461445613501447>

Narita R. The effects of pragmatic consciousness-raising activity on the development of pragmatic awareness and use of hearsay evidential markers for learners of Japanese as a foreign language // Journal of Pragmatics. 2012. Vol. 44. No. 1. Pp. 1–29. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2011.09.016>

Nuckolls J. B., Michael L. Evidentials and evidential strategies in interactional and socio-cultural context // Benjamins Current Topics / ed. J. B. Nuckolls, L. Michael. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014. Pp. 13–20. <https://doi.org/10.1075/bct.63.03int>

Ozturk O., Papafragou A. The acquisition of evidentiality and source monitoring // Language Learning and Development. 2016. Vol. 12. No. 2. Pp. 199–230. <https://doi.org/10.1080/15475441.2015.1024834>

Peterson T. Mirativity as surprise: Evidentiality, information, and deixis // Journal of Psycholinguistic Research. 2016. Vol. 45. No. 6. Pp. 1327–1357. <https://doi.org/10.1007/s10936-015-9408-9>

Rett J., Hyams N. The acquisition of syntactically encoded evidentiality // Language Acquisition. 2014. Vol. 21. No. 2. Pp. 173–198. <https://doi.org/10.1080/10489223.2014.884572>

Tosun S., Filipović L. Better late than early: The effect of formal second language training on processing of evidentiality in Turkish-English bilinguals // International Journal of Bilingualism. 2025. Vol. 29. No. 4. Pp. 1008–1026. <https://doi.org/10.1177/13670069241266340>

Tournadre N., LaPolla R. J. Towards a new approach to evidentiality: Issues and directions for research // Linguistics of the Tibeto-Burman Area. 2014. Vol. 37. No. 2. Pp. 240–263. <https://doi.org/10.1075/ltba.37.2.04tou>

Ünal E., Papafragou A. Relations between language and cognition: Evidentiality and sources of knowledge // Topics in Cognitive Science. 2020. Vol. 12, No. 1. Pp. 115–135. <https://doi.org/10.1111/tops.12355>

Verhees S. Defining evidentiality // Voprosy Jazykoznanija. 2019. No. 6. Pp. 113–133. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0007549-2>

Wiemer B. Hearsay in European languages: Toward an integrative account of grammatical and lexical marking // Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages / ed. G. Diewald, E. Smirnova. Berlin: De Gruyter Mouton, 2010. Pp. 59–130. <https://doi.org/10.1515/9783110223972.59>

References

Astakhova, T. N. (2014). Manifestations of evidentiality and authority in German mass media texts. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*, 1, 71–75. (In Russian)

- Boldyrev, N. N. (2006). Yazykovye kategorii kak format znaniya [Language categories as a format of knowledge]. *Issues of Cognitive Linguistics*, (2) 7, 5–22. (In Russian)
- Bondarko, A. V. (2011). Kategorizatsiya v sisteme grammatiki [Categorization in the system of grammar]. LRC Publishing House, Moscow, Russia. (In Russian)
- Borisova, O. S. (2025). Razvitie kommunikativnykh navykov na zanyatiyakh RKI pri izuchenii ehvidentsialnykh konstruksii [The development of communicative skills in Russian as a foreign language classes through the study of evidential constructions], in *IX Mezhdunarodnyi kongress «Dovuzovskii etap obucheniya v Rossii i mire: yazyk, adaptatsiya, sotsium, spetsialnost»* [The IX International Congress “Pre-University Education in Russia and the World: Language, Adaptation, Society, Specialty”]. Moscow, 11 p. Available at: <https://disk.yandex.ru/d/umbIKnBoo3GIAw> (Accessed 23 January 2026). (In Russian)
- Grigorenko, M. Yu. (2009). Modusnyy status ehvidentsialnosti v sovremennom russkom yazyke [Modus status of evidentiality in modern Russian], *Russian Studies in Philology*, (4), 73–77. (In Russian)
- Ivanova, S. V. and Khakimova, G. Sh. (2024). Ehvidentsialnost' i ehπισtemicheskaya modalnost': sopryazhenie na urovne semantiki slova [Evidentiality and epistemic modality: Overlap view within word semantics], *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 21 (4), 801–823. (In Russian) <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.403>
- Kobrina, O. A. (2005). Kategoriya ehvidentsialnosti: ee status i formy vyrazheniya v raznykh yazykakh [The category of evidentiality: its status and forms of expression in different languages], *Issues of Cognitive Linguistics*, (1), 86–98. (In Russian)
- Kozintseva, N. A. (2007). Tipologiya kategorii zasvidetelstvovannosti [Typology of the category of evidentiality], in V. S. Khrakovskii (ed.), *Ehvidentsialnost v yazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia], Nauka, St. Petersburg, 13–36. (In Russian)
- Kozlovsky, D. V. (2022). Tipy vzaimodeistviya modusnoi kategorii «ehvidentsialnost» s drugimi modusnymi kategoriymi [Types of interaction of the modus category “evidentiality” with other modus categories], *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, 32 (5), 1027–1036. (In Russian)
- (Russian) <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-5-1027-1036>
- Nikitina, E. N. (2013). Null subjects and perceptive mode (on the expression of evidentiality in Russian), *Voprosy yazykoznaniya*, (2), 69–82. (In Russian)
- Paducheva, E. V. (2013). Is there grammatically expressed evidentiality in Russian?, *Russian Language and Linguistic Theory*, (2) 26, 9–29. (In Russian)
- Plungian, V. A. (2011). *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammar semantics: Grammar meaning and grammar systems in the languages of the world]. RGGU, Moscow, Russia. (In Russian)
- Postnikova, A. E. (2020). *Grammaticalization and the typology of evidential systems. Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov* [Typology of Morphosyntactic Parameters], 3 (2), 147–165. (In Russian)
- Safina, A. R. (2016). Theoretical aspects of studying epistemic modality and evidentiality. *Philology. Theory & Practice*, 9 (2), 142–145. (In Russian)
- Strakhova, V. S. (2016). Evidential markers in the language of mass media. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, (6) 745, 165–174. (In Russian)
- Khrakovskii, V. S. (2007). Evidentiality, epistemic modality, (ad)mirative, in: V. S. Khrakovskii (ed.), *Ehvidentsialnost v yazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia]. Nauka, St. Petersburg, Russia, 600–631. (In Russian)
- Shestukhina, I. Yu. (2009). Kategoriya ehvidentsialnosti v russkom narrativnom tekste: kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt [The category of evidentiality in Russian narrative text: a communicative-pragmatic aspect], Abstract of Ph.D. dissertation, Altai State University, Barnaul, Russia. (In Russian)
- Aikhenvald, A. Y. (2004). *Evidentiality*, Oxford University Press, Oxford, UK. (In English)
- Aksu-Koç, A. (2000). Some aspects of the acquisition of evidentials in Turkish, in: L. Johanson and B. Utas (eds.), *Evidentials*. De Gruyter, Berlin, Germany, 15–28. <https://doi.org/10.1515/9783110805284.15> (In English)
- Arslan, S., Bastiaanse, R. and Felser, C. (2015). Looking at the evidence in visual world:

eye-movements reveal how bilingual and monolingual Turkish speakers process grammatical evidentiality, *Frontiers in Psychology*, 6, 1–13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01387> (In English)

Brugman, C. M. and Macaulay, M. (2015). Characterizing evidentiality, *Linguistic Typology*, 19 (2), 201–237. <https://doi.org/10.1515/lingty-2015-0007> (In English)

Cornillie, B. (2009). Evidentiality and epistemic modality: On the close relationship between two different categories, *Functions of Language*, 16 (1), 44–62. <https://doi.org/10.1075/fof.16.1.04cor> (In English)

De Villiers, J. G. and Garfield, J. (2009). Evidentiality and narrative, *Journal of Consciousness Studies*, 16 (6–8), 191–217. (In English)

De Villiers, J. G., Garfield, J., Gernet-Girard, H., Roeper, T. and Speas, M. (2009). Evidentials in Tibetan: Acquisition, semantics, and cognitive development, *New Directions for Child and Adolescent Development*, 125, 29–47. <https://doi.org/10.1002/cd.248> (In English)

Gagarina, N., Klop, D., Kunnari, S., Tantele, K., Välimaa, T., Bohnacker, U. and Walters, J. (2019). MAIN: Multilingual Assessment Instrument for Narratives – Revised, *ZAS Papers in Linguistics*, 63, 1–20. <https://doi.org/10.21248/zaspil.63.2019.516> (In English)

Ishida, K. (2006). How can you be so certain? The use of hearsay evidentials by English-speaking learners of Japanese, *Journal of Pragmatics*, 38 (8), 1281–1304. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2005.10.006> (In English)

Kaya-Soykan, D., Antonova-Unlu, E. and Sagin-Simsek, C. (2023). The production and perception of Turkish evidentiality markers by Turkish-German returnees, *Applied Linguistics Review*, 14 (2), 251–270. <https://doi.org/10.1515/applirev-2020-0042> (In English)

Kittilä, S. (2019). General knowledge as an evidential category, *Linguistics*, 57 (6), 1271–1304. <https://doi.org/10.1515/ling-2019-0027> (In English)

Kosta, P. and Iskakova, G. Zh. (2022). New tendencies in the study of modality: epistemic modality and evidentiality, *Bulletin of the Moscow State Regional University (Linguistics)*, 6, 25–40.

<https://doi.org/10.18384/2310-712x-2022-6-25-40> (In English)

Krasnoshchekova, S. and Kashleva, K. (2019). Narrative competence of adult L2 Russian learners, *Journal of Psycholinguistic Research*, 48 (3), 617–641. <https://doi.org/10.1007/s10936-018-9622-3> (In English)

Leclercq, P. and Mélaç, E. (2021). Second language acquisition of evidentiality in French and English in a narrative task. *Language, Interaction and Acquisition*, 12 (2), 251–283. <https://doi.org/10.1075/lia.20025.lec> (In English)

Mushin, I. (2000). Evidentiality and deixis in narrative retelling, *Journal of Pragmatics*, 32 (7), 927–957. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(99\)00085-5](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(99)00085-5) (In English)

Mushin, I. (2013). Making knowledge visible in discourse: Implications for the study of linguistic evidentiality, *Discourse Studies*, 15 (5), 627–645. <https://doi.org/10.1177/1461445613501447> (In English)

Narita, R. (2012). The effects of pragmatic consciousness-raising activity on the development of pragmatic awareness and use of hearsay evidential markers for learners of Japanese as a foreign language, *Journal of Pragmatics*, 44 (1), 1–29. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2011.09.016> (In English)

Nuckolls, J. B. and Michael, L. (2014). Evidentials and evidential strategies in interactional and socio-cultural context, in: J. B. Nuckolls and L. Michael (eds.), *Benjamins Current Topics*, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, Netherlands, 13–20. <https://doi.org/10.1075/bct.63.03int> (In English)

Ozturk, O. and Papafragou, A. (2016). The acquisition of evidentiality and source monitoring, *Language Learning and Development*, 12 (2), 199–230. <https://doi.org/10.1080/15475441.2015.1024834> (In English)

Peterson, T. (2016). Mirativity as surprise: Evidentiality, information, and deixis, *Journal of Psycholinguistic Research*, 45 (6), 1327–1357. <https://doi.org/10.1007/s10936-015-9408-9> (In English)

Rett, J. and Hyams, N. (2014). The acquisition of syntactically encoded evidentiality, *Language Acquisition*, 21 (2), 173–198. <https://doi.org/10.1080/10489223.2014.884572> (In English)

Tosun, S. and Filipović, L. (2025). Better late than early: The effect of formal second language training on processing of evidentiality in Turkish-English bilinguals, *International Journal of Bilingualism*, 29(4), 1008–1026. <https://doi.org/10.1177/13670069241266340> (In English)

Tournadre, N. and LaPolla, R. J. (2014). Towards a new approach to evidentiality: Issues and directions for research, *Linguistics of the Tibeto-Burman Area*, 37 (2), 240–263. <https://doi.org/10.1075/ltba.37.2.04tou> (In English)

Ünal, E. and Papafragou, A. (2020). Relations between language and cognition: Evidentiality and sources of knowledge, *Topics in Cognitive Science*, 12 (1), 115–135. <https://doi.org/10.1111/tops.12355> (In English)

Verhees, S. (2019). Defining evidentiality, *Voprosy Jazykoznanija*, 6, 113–133. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0007549-2> (In English)

Wiemer, B. (2010). Hearsay in European languages: Toward an integrative account of grammatical and lexical marking, in: G. Diewald and E. Smirnova (eds.), *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages*, De Gruyter Mouton, Berlin, Germany, 59–130. <https://doi.org/10.1515/9783110223972.59> (In English)

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликтов интересов для декларации.

Conflicts of interests: the authors have no conflicts of interest to declare.

Софья Викторовна Краснощекова, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела теории грамматики, Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.

Sofia V. Krasnoshchekova, PhD in Philology, Researcher at the Department of Theory of Grammar, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

Елена Владимировна Галкина, научный сотрудник отдела физиологии сенсорных систем, лаборатории психофизиологии речи, Институт физиологии им. И. П. Павлова Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.

Elena V. Galkina, Researcher at the Department of Physiology of Sensor Systems, Laboratory of Psychophysiology of Speech, Pavlov Institute of Physiology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

Ван Илин, кандидат филологических наук, преподаватель русского языка Центра русского языка, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай.

Wang Yiling, PhD in Philology, Teacher of Russian Language in the Centre of Russian Language, Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China.